

ЗАДАЧА МОДЕРНИЗАЦИИ:

ВЫПРАВЛЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ ДИСПРОПОРЦИИ*

Проблема модернизации обсуждается у нас в несколько странной плоскости. Часто задается вопрос об определении понятия «модернизация», что это такое? Этимология слова от французского «модернизация» означает усовершенствование. Наша экономика находится в довольно сложном положении. Чем это положение определяется и в чем состоит совершенствование экономики?

Первое. Состояние фондов: высокий износ. Деградация трудового потенциала. Снижение конкурентоспособности в промышленности и технологическое отставание. Высокое социальное неравенство, социальное расслоение, значительная социальная конфликтность и т. д. Тогда возникает главный вопрос, в чем смысл модернизации? Что мы собираемся модернизировать, то есть усовершенствовать?

Ели мы за годы реформации, а реформа сама по себе тоже призвана улучшать, усовершенствовать, что-либо изменять, то есть эти слова согласованы, понесли «поражение» по указанным параметрам, они изменились в худшую сторону — следовательно, улучшения уже не получилось на данном этапе. В связи с этим, нужно ли восстановить потерянные позиции по указанным параметрам, либо стоит предпринимать некие действия, не обеспечивая такого восстановления, но какие действия тогда возможны?

В течение 1990-х годов наблюдался абсолютный спад производства. В годы экономического роста 2000—2008 гг. при формальном росте экономики и промышленности, к сожалению, происходила дальнейшая деградация и по фондам, и по технологическому обеспечению, и, что самое важное, по кадровому составу промышленности.

Задачи модернизации, как бы их ни сформулировать (предположим, они уже сформулированы), должны осуществлять люди в конкретных секторах экономики и звеньях управления.

Если наша экономическая система дисфункциональна, то есть находится в состоянии, когда явно не справляется с предназначенными функциями, то закономерно поставить задачу по-другому, как снижение степени дисфункциональности управления и всех подсистем, как восстановление управляемости

и восстановление экономической структуры, повышение ее эффективности.

Своеобразное объяснение модернизации дал А. Г. Аганбегян. Пафос его доклада состоял в том, что модернизация является условием и способом экономического роста. Это не доказано. Потому что, если мы будем осуществлять управляемые структурные изменения, как он верно, хотя и не сильно акцентируя на этом, интерпретировал модернизацию, то, изменяя структуру, проблематично обеспечить одновременно высокий ее рост. Эти задачи взаимоисключающие.

С помощью некоторых математических моделей, созданных в Принстонском и Йельском университетах, было показано, что при любой степени реорганизации системы она испытывает определенную дезорганизацию. И, естественно, динамика ее развития тормозится. Поэтому тезис, что модернизацию как «структурное преобразование» следует воспринимать как некий ускоритель экономического роста в России, отражает «завышенное» ожидание успеха.

А нужен ли высокий экономический рост в принципе, если большая часть прибавки ВВП будет вывозиться или присваиваться финансовой олигархией, если социально-незащищенные слои научных работников, инженеров, врачей, учителей от этого роста не будут ничего получать?

Это важная постановка проблемы модернизации экономики. Кто и какие выгоды получит от этого процесса, и какое участие обеспечит в нем. На наш взгляд главное содержание задачи модернизации состоит в выправлении «структурного перекоса», диспропорций, сложившихся в российской экономике, отражаемых по параметрам «процент — рентабельность — риск». В чем здесь проблема? В ситуации, когда определенные виды хозяйственной деятельности, приносящие высокую доходность относительно низко рискованные (сырьевые секторы, финансовый, банковский сектор). А реальные секторы экономики — производственные, НИОКР, испытывающие деградацию, — имеют обратное соотношение, то есть относительно низко доходны, их рентабельность 5—6%, не выше, но деятельность в них относительно высоко рискованна. За последние 20 лет сложилась эта

* Из выступления О. С. Сухарева в Государственной Думе 20 октября 2011 г. в рамках Кондратьевских чтений «Модернизация экономики России: уроки и перспективы».

«вилка», она и обеспечивает дальнейшую сырьевую ориентацию экономики. При этом относительно высокий процент усугублял ситуацию. Перелив капитала, трудовых ресурсов между секторами происходил не в пользу реальной экономики. Вузы выпускают инженеров, а они трудятся в офисах клерками, либо работают в сырьевых секторах, финансово-спекулятивной сфере. И эта тенденция не переломлена. Выходом является одно — изменение вектора социально-экономической политики и модели управления, когда все действия макроэкономического характера нужно подчинить магистральным воздействиям, направив на выправление структурных диспропорций, чтобы обеспечить перелив ресурсов в развитие внутреннего рынка и «реальной экономики».

Естественно, институциональные изменения и структуры правил должны проверяться и проектироваться и вводиться последовательно, исходя из указанной магистральной задачи. Инновации и их запуск в условиях существующей «вилки» экономической структуры не возможны в необходимом для страны масштабе.

В период 2002—2007 гг. нами была разработана неошумпетерианская модель «новатор-консерватор». Она неоднократно опубликована. Даже при ее «модельных» условиях расчеты показывают, что увеличение числа новаторов и инноваций могут свергнуть экономику в кризис, что экономический рост можно обеспечивать за счет консервативной модели хозяйственного поведения, и довольно устойчивый (развивая внутренние стереотипные рынки). А когда в экономике разрушены производственные цепочки (системы) консерваторов и потерян внутренний рынок, он не контролируется национальными производителями — эти причины блокируют инновации на систематической основе. Инновации приобретают в таком случае лишь сегментное, локальное применение. Можно управляться со «Сколково», как с какой-то барышней, не более того. Это не систематическая основа развития экономики и ее реального сектора. Поэтому главную задачу, если ее ставить, как модернизационную, мы видим в выправлении названной структурной диспропорции, развитии внутреннего рынка за счет отечественного производства.

Второе. Структура национального богатства (по элементам: природно-ресурсный, человеческий и физический капитал), которая обеспечивает нам развитие, следующая: 65% приходится на природно-ресурсный капитал, остальное — примерно пополам — на человеческий, и физический. Экономические системы Запада имеют иную структуру. У них примерно 25—30% приходится на природно-ресурсный капитал, а остальное делится так, что львиная доля 65% приходится на человеческий капитал, остальное — на физический капитал, который они обновляют за 3—5 лет. И для этого существуют соответствующие воспроизводственные механизмы обновления капитала. В России он изношен физически на 60—80% по разным секторам экономики, причем ряд секторов просто исчез в прежнем виде (станкостроение, электроника, легкая промышленность). На каких фондах будет осуществляться модернизация?

Видимо ее нужно сводить к процессу создания новых фондов — средств производства.

И главная проблема — видим ли мы модернизацию в выправлении этой структуры? Если нам нужно повышать значение инноваций, то необходимо развитие человеческого капитала. Его можно развивать только в условиях возвышения наиболее значимого и социального результата, важного с общественной точки зрения, технической, технологической и так далее. Но мы же не ценим своих изобретателей. Если и выдвигаем, то сервильную молодежь.

Молодежь это видит и делает соответствующие, отнюдь не позитивные выводы. Многие предложения по реструктуризации экономики были сделаны нами еще в 1995 г. Молодые экономисты, не имеющие ученых степеней, уже публиковали предложения, но эти предложения мало того, что не были востребованы, многие из них уже сейчас и реализовать нельзя, потому что утеряны целые секторы промышленности, наблюдаются разрывы по технологическим переделам.

От 32 до 38% хозяйствующих субъектов убыточны, а еще до 15% близки к этому состоянию. Каждое второе промышленное предприятие имеет финансовые трудности. Тогда что даст им модернизация, у них нет доступа к финансовому ресурсу на НИОКР и освоение внутреннего рынка.

Внутренний рынок сжат, мы его не контролируем. Частник не заинтересован использовать активы на развитие производства и науку, в общем и целом. Можно отрапортовать отдельными позитивными примерами, что не так все плохо, но они не дают ощущения развития экономики на систематической основе.

Пока в России нет конституционного правового ордона на государственном планировании и государственном секторе, о его масштабе, и не только речь об оборонных производствах, говорить о модернизации не имеет смысла. Очевидна неутешительная картина, когда не успели создать государственные корпорации по стратегическим направлениям развития, они заработать не успели, потому что по крохам собирали персонал, конструкторов, кто остался в живых, проектировал суда, подводные лодки и т. д., так уже президент, видимо, с чьей-то подачи, объявляет, что они показали себя не эффективно.

А времени и ресурса у них хватило, чтобы показать себя эффективными? Что сделано для того, чтобы они показали эффективность и на внутреннем, и на внешнем рынке. Однако их нужно уже приватизировать, превратить в акционерные общества. Хотя любому честному эксперту понятно, что приватизация являлась фактором разрушения нашей промышленности, не показала ожидаемой эффективности. Произошла потеря ассортиментных групп, квалифицированного персонала в ходе приватизации промышленных предприятий. Но губительный процесс не останавливается — приватизация продолжается, не говорится о национализации сырьевых и стратегически важных отраслей как альтернативном способе развития, где правительству нужно работать, управлять и принимать действительно государственные решения.

Третье. Теперь о финансовых институтах, как они работают? Чиновники «делят» деньги до четвер-

того квартала, на четвертый квартал по грантам и по другим контрактам начинают приходить деньги на предприятия, в том числе и оборонные. Президент в июне 2011 г. откровенно сказал, что сорван оборонзаказ. Это самые важные проблемы. Поэтому не нужно заниматься профанацией, и разговорами о модернизация — необходимо управлять страной и финансами, как и иными ресурсами.

В 1994—1995 гг. была серия публикаций по реструктуризации российской экономики, это было очень модно в те годы. Многие задачи уже обсуждались тогда и ничего не решено. Однако в России нужно восстанавливать потерянные секторы промышленности и виды производств. Каковы способы восстановления?

Планы Минэкономразвития, опубликованные на сайте, касаются выхода из кризиса к 2013 г., то есть параметры экономики на 2008 г. будут полностью восстановлены к 2013 г. О модернизации нет ни слова.

С. Ю. Глазьев говорил о нанотехнологиях. Но при разрушенной электронике затруднительно развитие нанотехнологии. В таком случае они не составят никакого шестого, так называемого, технологического уклада по его классификации.

Подводя итог, хотелось бы выделить основные шаги для модернизации: разработать законодательство о государственном планировании, о государственном секторе Российской Федерации и подчинить все меры макроэкономической политики, денежно-кредитной, работу Центробанка, Минфина, бюджета, налогов для выправления структурной диспропорции по линии параметров «процент — рентабельность — риск».

Суммарно предложения можно представить следующими позициями.

1. Принять федеральный закон, имеющий конституционный статус «О государственном планировании в Российской Федерации», требования которого обязательны для исполнения всеми органами власти,

вводят количественные показатели результативности их работы (и качественные конечно).

2. Разработать и принять закон «О государственном секторе в Российской Федерации», где определить масштаб, состав государственного сектора, взаимосвязь его, в частности образования (государственное) с задачами в промышленности (государственной), включая заказ и подготовку кадров. В этом же законе обозначить и юридически закрепить статус двух экономических процессов — приватизации и национализации, как двух разнонаправленных инструментов политики, значительно влияющих на развитие и долгосрочные перспективы и т. д.

3. Разработку и реализацию мероприятий макроэкономической политики (бюджетной, денежно-кредитной) и других видов политики (инвестиционной, инновационной, научно-технической, структурной, антимонопольной, распределения доходов — социальной, банковской и т. д.) подчинить цели исправления структурного перекоса российской экономики по линии «процент — рентабельность — риск» с тем, чтобы обеспечить перелив ресурсов в реальные секторы производства.

4. Иметь план ввода и вывода значимых институциональных систем (прав, правил, законов, кодексов, нормативов) исходя из перечня очередности задач с предоставлением лагов адаптации агентам экономики, то есть прекратить правовую чехарду — высокую частоту изменения различных нормативов. Упорядочить законодательное поле поведения хозяйствующих агентов, усилив значение как количественных, так и качественных критериев при оценке законодательства и его результативности.

5. Принять законодательный акт федерального значения о реформировании российской экономики — о ее модернизации, где четко научно обозначить содержание и задачи процесса модернизации, чтобы можно было дать оценку того, как будет решаться эта задача.

Олег СУХАРЕВ,
доктор экономических наук, профессор